

Орешкина Дарья Дмитриевна

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специальность 25.00.33. - картография

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Работа выполнена в лаборатории комплексного картографирования географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор

В.С. Тихунов

Официальные оппоненты:
доктор географических наук,
профессор

В.А. Колосов

кандидат географических наук,
доцент

А.В. Симонов

Ведущая организация:

Институт географии СО РАН

Защита состоится «20» апреля 2006 г. в 15:00 часов на заседании Диссертационного совета по геоморфологии и эволюционной географии, гляциологии и криологии Земли, картографии, геоинформатике (Д-501.001.61) в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ, Географический факультет, ауд.2109

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Географического факультета МГУ на 21 этаже.

Автореферат разослан « 20 » марта 2006г.

Отзывы на автореферат (в двух экземплярах, заверенных печатью) просим отправлять по адресу: 119992, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ, Географический факультет, ученому секретарю Диссертационного совета Д-501.001.61. Факс: (095) 932-88-36. E-mail: geoco@geogr.msu.ru

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
профессор

Ю. Книжников

Ю.Ф. Книжников

2006A

5912

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

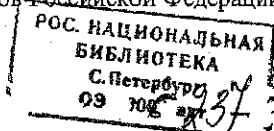
Выборы за последние 15 лет стали основой политической жизни Российской Федерации. Сформировался новый тип социальных отношений. Исходя из универсальной нормативно-правовой базы, они, тем не менее, сильно видоизменяются от места к месту. Анализируя пространственные различия комплекса электоральных процессов, наука приходит к понятию *электоральной географии* и тесно связанной с ней *электоральной картографии* как разновидностей социальной и политической географии.

В отличие от многих других сторон социальной географии, избирательные процессы описываются стандартным набором электоральной статистики, что позволяет формализовать анализ пространственных различий и обеспечить строгость и точность картографирования. Корректное электоральное картографирование, в свою очередь, служит основой для лучшего понимания географии не только самих избирательных процессов, но и других, менее формализованных явлений социальной жизни: культуры, качества жизни населения и пр. Подходы и методы, выработанные при картографировании электоральных данных, служат базой для развития методологии изучения социальных процессов в России.

Сегодня актуальным выглядит переход от простого картографирования результатов выборов к попыткам отыскать и положить на карту более общие особенности социокультурного фона, косвенно отраженные в электоральной статистике. Что скрыто за результатами голосования? Так, важной самостоятельной проблемой является методика количественной оценки и картографирования феномена, который получил название *электоральной культуры*.

Очевидно, детальное электоральное картографирование весьма актуально для развития современной политологии и практики политического управления.

Цель исследования: анализ имеющихся и разработка новых методов картографирования электоральных феноменов Российской Федерации, в том

числе таких, которые не исчерпываются наложением на карту готовых данных, но требуют предварительного расчета новых интегральных показателей; интерпретация полученных картографических изображений; выявление с их помощью новых социальных феноменов, таких, как *электоральная культура*, их сравнительно-географическое изучение.

В рамках поставленной цели решались следующие исследовательские задачи:

- Обсуждение имеющегося опыта электоральной картографии, определение нового объекта картографирования - *электоральной культуры* – и подбор количественных параметров, которые ее характеризуют (*индекс управляемости электората*).

- Сбор и сведение к стандартному виду исходных данных с максимально доступной на сегодня дробностью, построение специальной основы для их картографирования в разрезе всей Российской Федерации.

- Разработка методов расчета картографируемых показателей и собственно построение карт электоральной культуры России.

- Сравнительный анализ полученных картографических изображений с точки зрения их методической эффективности и содержательного толкования.

- Интерпретация полученных карт и географического феномена электоральной культуры.

Методическая основа

Исследования опирались на принципы и идеи тематического картографирования, заложенные К.А. Салищевым и другими учеными университетской школы, на достижения в области компьютерного картографирования и технологий, анализа многомерных данных, а так же на собственные разработки 1998-2006 гг. В работе использовались картографические материалы, предоставленные НИИ комплексного картографирования географического факультета МГУ и Лабораторией экспериментальных методов изучения геосистем ИГ РАН, а также

опубликованная Центральной Избирательной Комиссией Российской Федерации электоральная статистика.

Объектом исследования является география *электоральной культуры* населения России, отраженная в данных официальной статистики.

Научная новизна

Впервые реализована методика построения электоральных карт Российской Федерации в полном объеме, включая городские территории на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИК), что соответствует 2639 полигональным и точечным выделам. Ранее карты такой детальности строились лишь для очень ограниченных территорий.

Впервые введено понятие *электоральной культуры* населения, определен набор статистических параметров, который позволяет ее количественно характеризовать, рассчитаны комплексные показатели, пригодные для ее оценки и картографического отображения.

Произведена адаптация к стоящим практическим задачам нескольких формальных методов картографирования, созданы модели расчета и построены соответствующие версии карт. Проведены их сравнение и интерпретационный анализ.

Выделены и зафиксированы на картах два базовых типа электоральной культуры, характерные для Российской Федерации, которые условно названы «фоновым» и «особым». Установлены и объяснены их ареалы, доказана их устойчивость во времени и в пространстве, а также существенная зависимость от наличных административных границ. Как оказалось, контуры ареалов с «особым» типом электоральной культуры на протяжении 7 федеральных избирательных кампаний с 1995 по 2004 гг. близки к контурам определенных субъектов Российской Федерации, хотя картографирование проводилось на гораздо более дробном уровне, и методика не предусматривала учета межрегиональных границ.

Кроме этого, впервые проанализирована микрогеография проявлений *особой электоральной культуры* на уровне город-село.

Практическая значимость

Выводы, методы, понятийный аппарат и картографические материалы, сформированные по итогам данного исследования, используются избирательными штабами политических партий при планировании избирательных кампаний федерального уровня. На их основе читается специализированный цикл лекций Школы публичной политики для региональных политических элит и для Школы региональной журналистики. Разработанная методология использовалась при проведении комплексной программы Союза Журналистов РФ «Демократический аудит регионов России» (2005-2006 гг.).

Результаты работы используются при подготовке картографического блока Системы отображения информации Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» при освещении федеральных избирательных кампаний в ЦИК РФ.

На основе созданной картографической и электоральной базы данных автором выполнена серия карт для электорального раздела социально-экономического тома Атласа Ханты-Мансийского автономного округа.

Апробация работы и публикации

Тезисы и основные результаты работы докладывались на заседаниях Лаборатории комплексного картографирования географического факультета МГУ (2002-2005), научных заседаниях Лаборатории экспериментальных методов изучения геосистем Института Географии РАН (Москва, 2004, 2005), на молодежном семинаре Школы публичной политики (Улан-Удэ, 2005) и семинаре Школы региональной журналистики (Москва, 2005). В виде служебных отчетов карты и объяснительные записки переданы в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации.

По теме диссертации опубликовано 6 работ.

Объем и структура

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, графических приложений и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Электоральное картографирование в России и за рубежом

Электоральное картографирование в России приобрело смысл после перехода к выборам на альтернативной основе в 1988 г. Появилась потребность в осмыслении итогов, в прогнозировании будущих голосований. Картографирование выборов развивалось от примитивных карт результатов в разрезе 89 субъектов Федерации до карт, претендующих на сопоставление выборов с экономическими, социальными, демографическими и прочими характеристиками территорий.

С 1995 г., когда стала функционировать Государственная автоматизированная система «Выборы», началось формирование базы данных по выборам в электронном виде и появились более детальные карты – на уровне одномандатных округов (225 в составе России) или еще более крупномасштабные карты частей страны в разрезе ТИК – территориальных избирательных комиссий (около 2750, точное число меняется от выборов к выборам). Тем не менее, проблема адекватного картографического отображения всего массива многомерных данных электоральной статистики, накопленного за 10 лет, до сих пор не решена.

Использование иностранного опыта осложняется различиями в избирательных системах, которые чаще всего не позволяют прямо применять методы, опробованные за рубежом. В мировых тенденциях развития электорального картографирования выделяются два крупных направления:

- в сторону повышения зрелищности и массовости электоральных карт. Это направление в основном характерно для США и ориентировано прежде всего на СМИ и массового зрителя. Здесь активно развиваются технологии оперативного построения телевизионных и интернет-карт.

- в сторону углубления смысловой и аналитической нагрузки карт. Это направление в большей степени характерно для электоральной картографии европейских стран, где выборы в меньшей степени служат массовым зрелищем.

Российская электоральная картография стремится сочетать обе эти тенденции. В основном она опирается на методы электронного картографирования, поскольку исходная информация постоянно обновляется. Дополнительной трудностью является неустойчивость правовой базы, что сильно усложняет сравнение карт разных избирательных кампаний: с 2004 года отменены выборы в Госдуму по одномандатным округам, отменены прямые выборы губернаторов. Поэтому говорить об эволюции электоральных феноменов и их ареалов имеет смысл лишь для 7 общефедеральных избирательных кампаний 1995-2004 гг. – 4 президентских и 3 думских.

В диссертации в качестве основы для картографирования использована сетка официального территориально-выборного деления Российской Федерации на уровне ТИК. В процессе работы ее пришлось существенно отредактировать, сведя к единому стандарту (она менялась от выборов к выборам), оптимизировать систему идентификаторов и перестроить исходную базу данных ЦИК РФ по федеральным выборам.

Построенная основа позволила перейти к пространственному анализу конкретных электоральных ситуаций в России и их картографированию. При этом использовался мировой опыт построения карт социально-политических, ментальных и культурных феноменов, активно развивающийся в последние годы, а также особенности нового картографического языка.

Глава II. Электоральная культура: географический подход

Понятие *политической географии* довольно расплывчато и не сводится к одной исчерпывающей дефиниции. При этом такая ее часть как

электоральная география выглядит конкретнее. Она глубоко разработана такими крупными отечественными исследователями как Н.В. Зубаревич, В.А. Колосов, Н.В. Петров, Л.В. Смирнягин, Р.Ф. Туровский и другие. Понятно, что она изучает пространственные закономерности проявления избирательных феноменов – такие, как результаты выборов, особенности их организации, активность избирателей и пр. Эти и многие другие электоральные факторы заметно меняются от места к месту, что объясняет попытки нанести их на карту, сравнить с другими особенностями территории и сделать умозаключения географического характера.

В абсолютном большинстве случаев специалистов интересуют политические результаты выборов и их географическое объяснение. Мы попробовали реализовать иной подход: с помощью электоральной статистики попытаться оценить *географию социокультурных условий*, в которых проходили выборы.

Попытки географического сравнения «электоральных традиций», «электорального поведения», «степени электоральной свободы» «демократичности выборов» производились неоднократно. В частности, в издании «Россия регионов» (2005) Н.В. Петров и А.С.Титков на основе детального опросника построили интегральный рейтинг демократичности субъектов Российской Федерации. Фонд защиты гласности под руководством А.К. Симонова опубликовал карту «Свободы прессы» - тоже на основе экспертных опросов и тоже в разрезе субъектов Федерации. В настоящее время Институт «Общественная экспертиза» решает близкую задачу, сочетая экспертно-рейтинговый подход с анализом электоральной статистики.

То, что в различных субъектах Федерации выборы проходят в разной обстановке и характеризуются разной мерой независимости участников избирательного процесса – не новость. Проблема состоит в том, чтобы предложить строгую процедуру, способную корректно выявить эти

различия, обосновать правильность этой процедуры и с ее помощью построить карты различий с максимально возможной детальностью. Решению этой задачи и посвящена диссертация.

Количественная оценка и картографирование социокультурного фона, на котором проводятся выборы, строилось на следующих принципах.

Во-первых, мы попытались сконструировать на основе электоральной статистики некоторую интегральную величину, которая характеризует не столько результат, сколько отношение местного населения и местных элит к институту и процедуре выборов, включая роль т.н. «административного ресурса». Это общее отношение к выборам, понимание их смысла и задач мы, за неимением более удачного термина, предлагаем именовать *электоральной культурой* населения и элит данной территории. В состав электоральной культуры мы включили понятие *электоральной управляемости* - как меры способности властей предопределить результаты голосования. Поиску методов выявления и отображения этого феномена и посвящена основная часть работы.

Во-вторых, поскольку анализу подвергалась не одна электоральная кампания, а целый их ряд с 1995 до 2004 гг., встал вопрос о степени консервативности или изменчивости электоральной культуры конкретных территорий. То есть к пространственному анализу пришлось добавить временной – с целью проследить эволюцию объекта исследования. Выяснилось, что рассчитанные интегральные показатели довольно устойчивы от выборов к выборам и дают максимальные значения примерно в одних и тех же ареалах.

В-третьих, в отличие от большинства исследований по электоральной географии, мы оперируем не 89 полигонами, соответствующими числу субъектов Федерации, а 2639 более дробными выделами, которые отвечают иерархическому уровню так называемых территориальных избирательных комиссий (ТИК). Полигоны ТИК по

размерности близки к сельским и городским районам, заданным сеткой административно-территориального деления. В результате получились весьма детальные карты, впервые отражающие территориальную дифференциацию электоральной культуры для всей страны.

В-четвертых, имея однородный и достаточно дробный в территориальном смысле массив исходных данных, мы опробовали различные методы картографирования этого материала с целью сопоставить их эффективность для сравнительно-географического анализа и объяснения.

Глава III. Методы оценки и картографирования электоральной культуры

Среди законодательно определенных показателей электоральной статистики, обязательных для публикации, есть ряд показателей, которые можно использовать как косвенные характеристики условий или среды, в которой проходили выборы. Например, повышенная явка, если она сильно отличается от среднего по стране, может свидетельствовать не только об энтузиазме избирателей, но и об особом внимании, которое уделяется административными органами обеспечению этого показателя.

Надо подчеркнуть, что об этом же может свидетельствовать и, напротив, слишком низкая явка. Она, как правило, проявляется там, где избиратель разочарован произволом, творящимся во время избирательной кампании. Нередко катастрофическими провалами явки сопровождаются кампании, где местная власть откровенно взяла курс на срыв выборов, потому что лучшими шансами на победу обладает неугодный кандидат.

Если слишком высокая или слишком низкая активность избирателей систематически характеризует некоторую территорию от выборов к выборам, можно говорить о том, что здесь, вероятно, имеет место особое *электоральное поведение* избирателей – проявление *особой электоральной культуры*. Важно, что это особое поведение отражено в виде объективных

цифр по каждой территориальной избирательной комиссии. Если такое специфическое поведение характеризует компактное поле (ареал) из нескольких расположенных по соседству территорий, то тем более есть основания говорить о закономерном характере явления.

Сходным образом *особую электоральную культуру* может характеризовать повышенная монолитность голосования – когда отрыв победителя от ближайшего преследователя заметно превышает среднюю величину, зафиксированную по России.

Еще одним показателем необычного поведения избирателей служит заметно повышенная или пониженная по сравнению со средней, доля недействительных бюллетеней. Следует пояснить, что при слабом контроле недобросовестным организаторам выборов не составляет труда лишить неугодного кандидата части голосов, добавив лишнюю «галочку» в бюллетени, отданные в его пользу. В этом случае становится невозможно установить, за кого именно проголосовал избиратель, кандидат теряет свои голоса и его бюллетени превращаются в недействительные. В результате увеличивается их доля в итоговом протоколе. Неестественно малое число недействительных бюллетеней тоже служит косвенным признаком вмешательства: при массированном вбросе бюллетеней, заполненных в пользу одного из кандидатов, доля неправильно заполненных (недействительных) бюллетеней закономерно снижается по сравнению с нормой.

Любой из описанных выше параметров нельзя интерпретировать как прямое доказательство фальсификации. Этим часто грешат либеральные критики избирательных процедур. Фальсификация – строгий юридический термин, который подразумевает наличие документально зафиксированных свидетельских показаний и иных доказательств. Статистические же отклонения сами по себе, сколь бы они ни были удивительны, есть всего лишь указание на то, что при голосовании или при подсчете голосов имело место некоторое выраженное отклонение от нормы, которое не может быть

объяснено случайными колебаниями. Какова природа этого отклонения – можно только догадываться.

Однако, несомненным фактом является то, что в конкретной социокультурной обстановке данного ареала подобное отклонение стало возможным. Либо вследствие слабости институтов общественного контроля, либо из-за авторитарного характера местной власти, либо – почему бы и нет! – от повышенного патриотизма, сплоченности и дисциплинированности избирателей. Налицо существенное, устойчивое во времени и пространстве отклонение от средней по стране нормы, которое дает исследователю право говорить об *особой электоральной культуре* власти и населения данной территории.

Следующим параметром, характеризующим подобный режим голосования, стала доля голосов, поданных против всех кандидатов. Если она слишком высока – это можно понимать как неудовлетворенность избирателя такой организацией выборов. Если слишком мала – что бывает в зонах *особой электоральной культуры* значительно чаще – можно думать об организованном вбросе «правильно заполненных» бюллетеней.

Последним показателем, который учитывался при расчетах, был процент голосов, собранных победителем. Чем он больше, тем, очевидно, монолитней и стандартней высказывались избиратели на выборах.

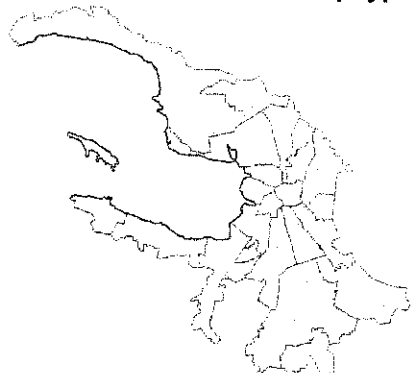
Понятно, что в статистических рядах вполне возможны случайные (доброкачественные) отклонения от средней величины по любому из этих параметров. Но если они повторяются систематически от выборов к выборам, если они имеют место по всем пяти показателям, и, наконец, если они концентрируются вокруг одних и тех же мест на карте, то, учитывая гигантский объем выборки, можно уверенно говорить, что налицо доказанный феномен. Следует подчеркнуть значимость картографического метода верификации: если бы рассчитанные по избранным показателям агрегатные индексы не имели отношения к реальности, то полигоны с повышенными значениями были бы случайным

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ

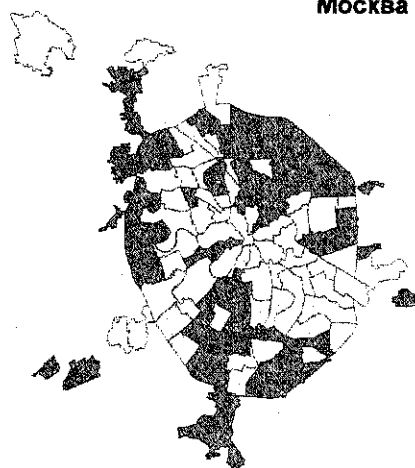
1995-2004 гг.

Санкт-Петербург

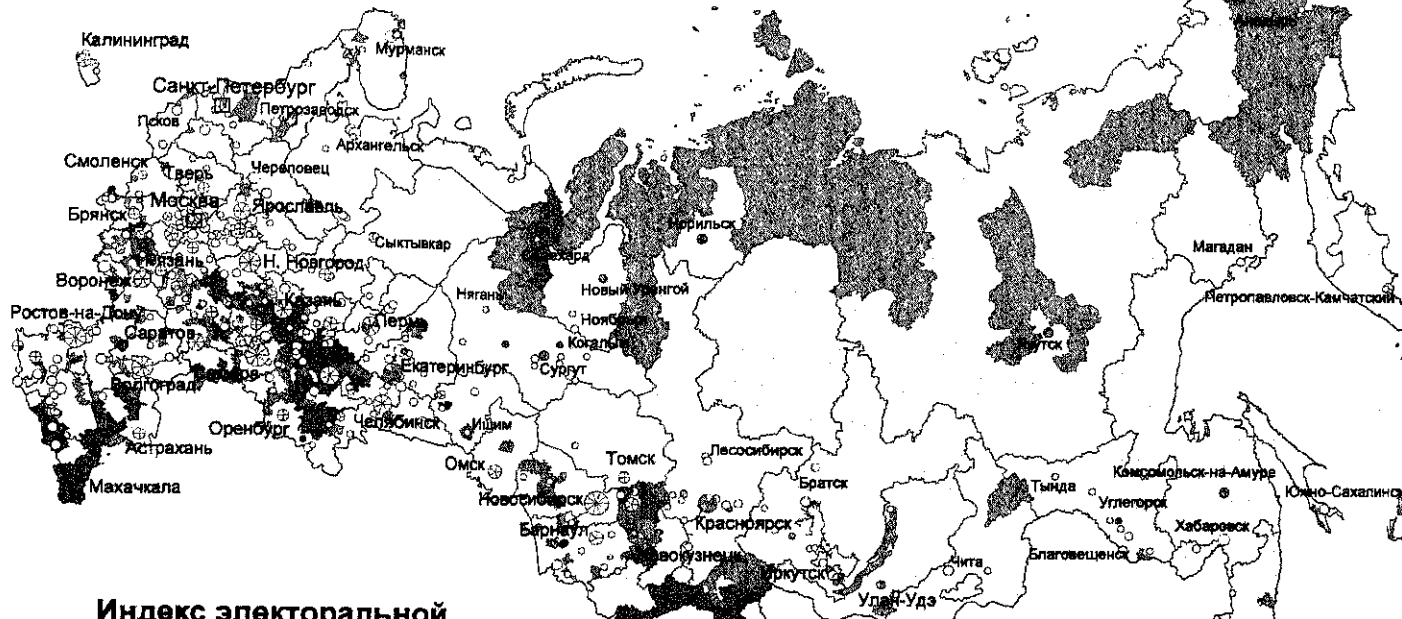
Масштаб 1: 1 250 000

Москва

Масштаб 1: 750 000

Российская Федерация

Индекс электоральной управляемости

- более 4500 баллов
- от 3000 до 4500 баллов
- от 1500 до 3000 баллов
- менее 1500 баллов

Городские территориальные избирательные комиссии (ТИК)

- более 250 000 избирателей
- от 100 000 до 250 000 избирателей
- от 50 000 до 100 000 избирателей
- менее 50 000 избирателей

города, состоящие из нескольких территориальных избирательных комиссий

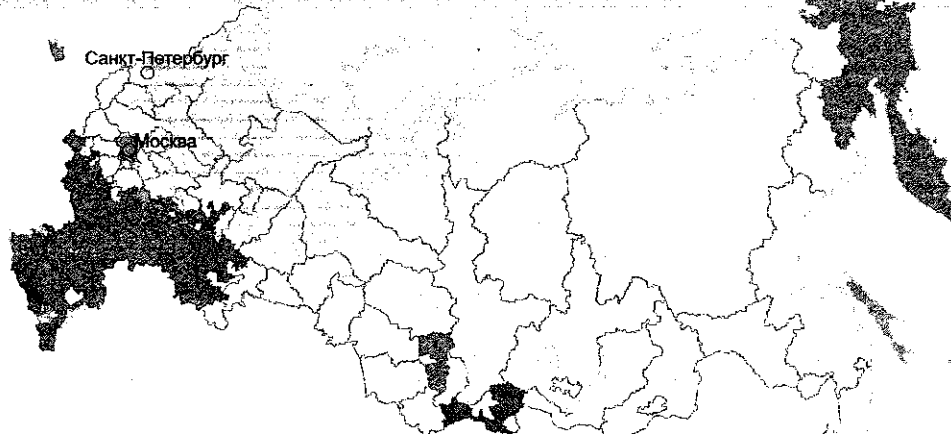
Масштаб 1: 35 000 000

Рис. 1

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ МЕТОДОМ ДАЛЬНЕГО СОСЕДА

Выборы Президента
26 марта 2000г.

14

условное название района	средние значения электоральных показателей				
	длина недействительных билетов, %	активность избирателей, %	доля голосов против всех, %	доля голосов, отданных лидеру, %	разница доли голосов, отданных победителю и среднюю по стране показывали за этого кандидату, %
российский	1,03	70,43	1,21	53,53	6,41
северо-западный	0,89	71,56	1,12	57,46	-14,71
южный	1,12	72,73	0,81	52,88	0,97
московский	0,85	65,43	3,75	47,37	5,8
мордовский	2,72	86,64	0,40	67,97	15,03
татарско-башкирский	1,26	67,85	0,77	71,91	19,54
саратовский	1,44	82,89	0,68	64,70	14,54
дагестанский	0,82	83,59	0,17	79,96	27,94
чечено-ингушский	1,99	83,85	1,09	83,33	23,28
кабардино-балкарский	0,8	87,43	0,54	75,7	24,18
кемеровский	0,88	86,7	0,88	54,73	51,78
тименский	2,09	78,26	0,52	70,33	17,28
камчатско-чукотский	0,75	72,01	1,76	62,28	11,45
не участвовали в анализе					
не принадлежит ни к одному из районов					

Масштаб 1 : 60 000 000

Рис.2

образом рассеяны по карте. В нашем случае они компактны и устойчиво тяготеют к ограниченному набору территорий.

Чтобы сгладить случайные отклонения по каждому из отобранных показателей и получить один удобный для картографирования интегральный индекс, был использован разработанный проф. В.С. Тикуновым алгоритм, позволяющий строить синтетические характеристики положения территориальных единиц на единой шкале (интегральный *индекс электоральной управляемости*).

Методика расчета и алгоритмы подробно изложены в диссертации.

По этой же методике был рассчитан интегральный показатель управляемости для каждой из семи избирательных кампаний и сразу по всем выборам 1995-2004 гг. – были взяты все показатели по всем выборам в совокупности – 35 показателей (5 показателей, по каждой из 7 кампаний) (рис.1).

В качестве территориальных единиц для расчетов и картографирования использовались полигоны ТИК (территориальных избирательных комиссий). Для проведения наших экспериментов использовалась сведенная сотрудниками Лаборатории экспериментальных методов изучения геосистем ИГ РАН база данных по выборам депутатов Госдумы 1995г. (2686 ТИК) и обработанные автором базы данных по остальным федеральным избирательным кампаниям: два тура выборов Президента РФ 1996г. (2736 и 2735 ТИК); выборы депутатов Госдумы 1999г. (2726 ТИК); выборы Президента РФ 2000г. (2737 ТИК); выборы депутатов Госдумы 2003г. (2757 ТИК); и выборы Президента РФ 2004г. (2755 ТИК). Исходные базы данных по ТИК в разрезе субъектов Федерации и одномандатных избирательных округов были транспонированы и сведены автором к общему виду для каждой избирательной кампании.

Затем была исключена статистика по территориальным единицам, положение которых на карте невозможно установить – ТИК «закрытых

городов», зарубежные ТИК при посольствах, ТИК на кораблях, находящихся в плавании и пр. После этого на основе базы данных на 2004г. все семь баз данных были сведены воедино, была проведена работа по ее редактированию и сверке. Сетка ТИК немного меняется от выборов к выборам в связи с изменением числа избирателей, изменением статуса населенных пунктов, переименований и пр. Потребовалась большая работа по отслеживанию траектории каждой ТИК за 9 лет. В итоге была построена универсальная БД для всех федеральных избирательных кампаний 1995-2004гг. с общим числом ТИК 2639.

На основе интегрального *индекса электоральной управляемости* были построены карты *особой электоральной культуры* Российской Федерации. Градации легенды были подобраны с таким расчетом, чтобы отобразить “фоновые” ТИК — большинство, и ТИК, резко отличающиеся от остальных по величине интегрального индекса.

Городские ТИК, не выражающиеся в масштабе карты, показаны внескандинавскими знаками. Крупные города, которые состоят из нескольких городских ТИК, показаны крупным кружком, разделенным на сектора, количество которых совпадает с количеством ТИК этого города в рамках нашей модели. Карты Москвы и Санкт-Петербурга даны врезками. Таким образом, все 2639 ТИК отражены на картах.

Альтернативные методы картографирования

Параллельно использовался еще один формальный метод выделения территорий с особой электоральной культурой - попытка автоматического районирования с учетом смежности ТИК. Автоматическое районирование проводилось с помощью специально разработанного в рамках Атласной информационной системы «Устойчивое развитие России» программного обеспечения GisCluster 2.0, которое позволяет производить классификацию и зонирование пространственных данных по многим признакам (в нашем исследовании по тем же 5 косвенным показателям *электоральной культуры*) с помощью нескольких ядерных и

иерархических (агломеративных и дивизимных) алгоритмов. В нашем случае – метод ближнего соседа с учетом количества ТИК в каждом из классов. Расстояние между двумя классами рассчитывается как расстояние между ближайшими ТИК этих классов, умноженное на количество ТИК в классах. Такое расстояние устойчиво к образованию одного многочисленного класса в агломеративной процедуре (обычная проблема «простого» метода ближнего соседа), т.к. значительно «подправляет» в сторону увеличения расстояния между «большими» классами, что не дает им объединяться.

Метод дальнего соседа. Расстояние между классами рассчитывается как расстояние между самими дальними ТИК этих классов. Соответственно, мы сравниваем евклидовы расстояния между максимально непохожими по электоральной культуре ТИК в разных классах. (рис.2)

Метод группового среднего (средней связи). Расстояние между классами рассчитывается как среднее расстояние между всеми ТИК классов. Т.е. мы объединяем самые «компактные» классы.

Глава IV. Интерпретация результатов

Картографирование по всем испробованным методикам показало, что распределение интегрального индекса электоральной управляемости по территории Российской Федерации подчиняется определенным закономерностям. При этом картографирование на основе представления вычисленных значений индекса по полигонам ТИК оказалось более продуктивным для содержательного анализа (рис.1), нежели изображения, полученные на основе автоматического районирования (рис. 2). Очевидно, различие определяется тем, что методики, основанные на признаках соседства, ориентированы на генерализацию и обобщение картины, в то время как реальная география электоральной культуры очень дробна и

сильно меняется от места к месту - например, на границе город-село. При обширных генерализациях самая интересная часть информации теряется.

Анализ распределения расчетных индексов и полученных карт позволяет отметить ряд интересных закономерностей.

Важен сам по себе факт явного выделения компактных зон повышенных значений индекса электоральной управляемости (зон *особой электоральной культуры*) в республиках Северного Кавказа, Поволжья и Южного Урала, юга Сибири, на территории ряда автономных округов и некоторых областей России – прежде всего Кемеровской и Орловской.

К ареалам с очень высокими значениями индекса относятся Ингушетия, Дагестан, Тыва, Татарстан, Мордовия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Башкортостан (табл.1).

Таблица 1. Двадцать субъектов России с максимальным значением интегрального индекса управляемости (1995-2004гг.)

рейтинг управляемости	наименование субъекта Российской Федерации	Индекс управляемости (1995-2004гг.)	рейтинг управляемости	наименование субъекта Российской Федерации	Индекс управляемости (1995-2004гг.)
1	Респ. Ингушетия	1000	11	Респ. Адыгея	4346
2	Респ. Дагестан	8953	12	Респ. Калмыкия	4026
3	Респ. Тыва	8596	13	Карачаево-Черкесская Респ.	3912
4	Респ. Татарстан	8522	14	Чувашская Респ.	3888
5	Респ. Мордовия	7669	15	Кемеровская область	3578
6	Кабардино-Балкарская Респ.	7224	16	Ямало-Ненецкий АО	3504
7	Респ. Северная Осетия – Алания	6531	17	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	3264
8	Респ. Башкортостан	6077	18	Город Москва	2995
9	Орловская область	4954	19	Белгородская область	2655
10	Чукотский АО	4773	20	Курская область	2436

С одной стороны, это позволяет уверенно говорить, что феномен, избранный в качестве объекта исследования, действительно существует и характеризуется устойчивым распределением в пространстве. С другой стороны, приходится сделать вывод, что популярное среди политологов убеждение, что в республиках «всегда голосуют по указке региональных властей», оказалось верным лишь в самом грубом приближении. Во-первых, не во всех республиках. Республики Карелия, Коми, Удмуртия и Хакасия с этой точки зрения мало выделяются на общем фоне России. Во-вторых, не только в республиках. Помимо части автономных округов, в число территорий с ярко выраженной *особой электоральной культурой* попали субъекты Федерации под руководством так называемых сильных лидеров: Ю.М. Лужкова (г. Москва), Е.С. Строева (Орловская обл.) А.Г. Тулеева (Кемеровская обл.). Очевидно, дело не в республиканском статусе, а в более сложном комплексе социокультурных причин.

Далее, географический анализ распространения *особой электоральной культуры* показал, что даже в регионах с очень высокой степенью управляемости внутренняя структура этого феномена весьма неоднородна. Крупнейшие столичные города-миллионеры, такие как Казань в Татарстане и Уфа в Башкортостане, резко выделяются на фоне общей для своих республик повышенной управляемости. В этом отношении столицы республик более похожи на столицы соседних «фоновых» регионов, нежели на собственную глубинку с ярко выраженной *особой электоральной культурой*. В то же время феномен столичности не может считаться панацеей – вопреки ожиданиям, Москва четыре раза (все – на выборах Президента РФ!) попадала в число территорий с заметно повышенными индексами электоральной управляемости.

Эта проблема нуждается в специальном рассмотрении. В целом можно считать, что вывод о большей зависимости села от местных властей подтвердился, хотя анализ карты показывает, что это тоже не абсолютная

тенденция. Существенные отличия в электоральном поведении городских и сельских территорий, подтвержденные в результате вычислений и картографирования, тоже служат свидетельством справедливости гипотезы о наличии в нашей стране зон *особой электоральной культуры*.

Выяснилось, что степень электоральной управляемости и число управляемых регионов, при общей тенденции к устойчивости и воспроизводству от выборов к выборам, все же испытывают некоторые закономерные колебания. Во время президентских кампаний зона *особой электоральной культуры* заметно расширяется (рис.3) – видимо, вследствие узкого набора реальных альтернатив, а во время выборов депутатов Госдумы она сокращается, стягиваясь к опорным ареалам. Следует обратить внимание и на то, что от выборов к выборам роль *особой электоральной культуры* понемногу расширяется, что можно считать косвенным подтверждением растущего влияния «административного ресурса» и снижения меры электоральной свободы в России.

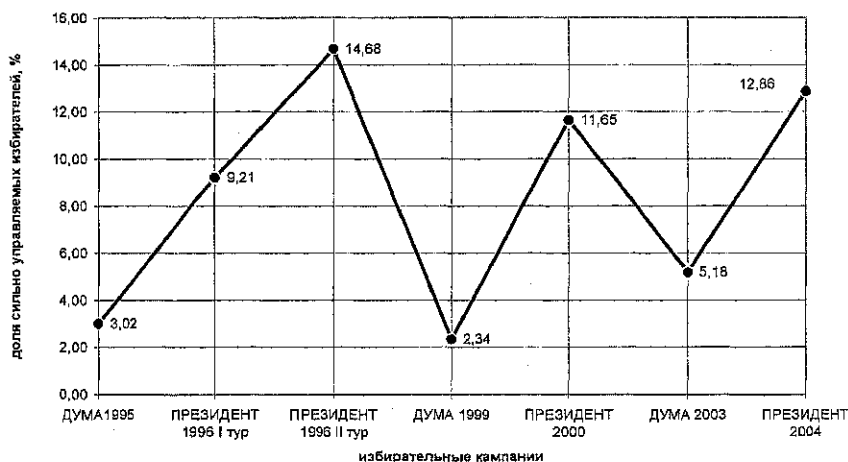

Рис. 3. Изменение доли избирателей, зарегистрированных в ТИК с очень высоким индексом управляемости (более 4500 баллов)

Интересен сравнительный анализ распределения поддержки политических сил и *особой электоральной культуры*. Самый выразительный случай имел место в 1999 г., когда на выборах в Госдуму блок «Отечество-Вся Россия» (ОВР) собрал более трети своих голосов именно на территориях с *особой электоральной культурой*. Его основные соперники на тех выборах – блок «Единство» и КПРФ собрали на «управляемых» территориях менее 15% своих голосов. Столь разительный контраст становится понятней, если вспомнить, что в блок ОВР создали как раз сильные региональные лидеры: Ю.М. Лужков (Москва), М.Ш. Шаймиев (Татарстан), М.Г. Рахимов (Башкортостан), Р.С. Аушев (Ингушетия) и др. Их авторитет и административный ресурс и были подключены к избирательной кампании. Следует отметить, что через 5 лет поддержка президента В.В. Путина на выборах 2004г. тоже заметно сместилась в зону *особой электоральной культуры*, что можно понимать как демонстрацию лояльности соответствующих региональных лидеров президенту.

Необходимо отметить, что высокую электоральную управляемость нельзя напрямую сопоставлять с устойчивостью политических предпочтений. Среди зон *особой электоральной культуры* есть крайне «либеральные» (если судить по итогам голосований), такие как Ингушетия, Тыва, Калмыкия. Есть и крайне «консервативные» - Адыгея, Северная Осетия, Орловская обл. Для основной же части таких регионов характерна как раз «флюгерность» политических предпочтений, когда электорат с удивительной активностью и монолитностью сегодня поддерживает одну партию (кандидата), а через несколько месяцев – совершенно другую, в зависимости от политической конъюнктуры и предпочтений регионального руководства.

Переход к количественным оценкам и картографированию интересующего нас феномена впервые позволил сравнить степень электоральной управляемости территорий и посчитать объемы

управляемого электората. Они колеблются от выборов к выборам от 3-5% до 10-15% (рис.3). Это, в свою очередь, означает, что лидеры соответствующих регионов, при наличии договоренности и консолидации своего потенциала, могут сыграть очень существенную роль при проведении федеральных выборов. В то же время не следует переоценивать их значение. Например, в 1999 году, при максимальном напряжении усилий им так и не удалось собрать хотя бы 15%.

Разработанные подходы позволяют приблизиться к количественной оценке влияния так называемого «административного ресурса» на выборах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе специально переработанной базы данных ЦИК РФ и сетки территориально-выборного деления реализована оригинальная методика электорального картографирования с максимально возможной на сегодня детальностью. Полученные карты могут служить основой для дальнейшего географического анализа электоральных процессов в России.

Впервые на основе строгих формальных вычислений и картографирования показано, что в Российской Федерации существуют устойчивые ареалы *особой электоральной культуры*, где выборы реализуются в режиме, отличном от основной (фоновой) территории страны.

Подобран и опробован на практике набор показателей электоральной статистики, позволяющий с хорошим качеством и детальностью оценивать и картографировать *электоральную культуру* как особый феномен социально-политической географии России. Показаны основные закономерности эволюции электоральной культуры во времени и в пространстве.

Благодаря количественному подходу, построению детальной для картографирования и ревизии БД, установлен ряд важных географических закономерностей:

- внутрирегиональные различия электоральной культуры в ряде случаев более значимы, чем межрегиональные;

- четко проявились различия по признаку электоральной культуры между городом и селом, причем города (особенно самые крупные) ведут себя заметно свободнее и эта их особенность имеет тенденцию к слабому росту;

- в то же время по стране в целом наблюдается формальный прирост показателей электоральной управляемости, что можно понимать как признак растущего влияния административного ресурса в избирательной системе России.

- во время президентских выборов признаки «особой электоральной культуры» проявляются заметно ярче и на заметно более обширных пространствах, чем во время выборов депутатов Госдумы. Процесс имеет выраженный колебательный характер от выборов к выборам.

- в территориальной структуре поддержки современной «партии власти» и президента наблюдается сдвиг от центров независимого голосования в направлении ареалов «особой электоральной культуры».

Установлено, что среди протестированных методов электорального картографирования наиболее эффективным оказался метод, основанный на расчете синтетического индекса управляемости.

**Основные научные результаты изложены в статье
в рекомендованном ВАК журнале:**

1. Блок электорального поведения населения в атласной информационной системе «Устойчивое развитие России» // Изв. РГО, 2002, т. 134, вып. 3, с. 48-53 (соавтор В.С. Тикунов)

А так же в следующих публикациях:

2. А все-таки они управляются! // Независимый голос России, 2000, №2(9), стр.15-18
3. «Управляемая демократия»: Российский вариант // «Со-общение», 2000, №11-12, с. 61-65 (соавтор В.С. Тикунов)
4. Электоральная культура России: классификации и картографирование в геоинформационной среде // Информационный бюллетень ГИС-Ассоциации, 2003, № 1(38)-2(39), (соавторы: А.В. Заварзин, В.С. Тикунов)
5. Серия электоральных карт в социально-экономическом томе Атласа Ханты-Мансийского автономного округа. В печати.
6. Электоральная статистика. // «Демократический аудит регионов России». Исследовательская программа Фонда ИНДЕМ и Союза журналистов РФ. Москва, 2006, (соавтор: В.Н.Козлов), в печати.

Заказ № 126/03/06 Подписано в печать 17.03.2006 Тираж 120 экз. Уст. п.л. 1

ООО "Цифровичок", тел. (495) 797-75-76; (495) 778-22-20
www.cfr.ru; e-mail: info@cfr.ru

2006A

5912